

Личности двух жертв пока не установлены, их отпечатки пальцев были взяты, а информация о ДНК извлечена, но результаты пока не сопоставлены в полицейской базе данных.

Что касается судебно-медицинской экспертизы, то отчет о вскрытии также еще не готов.

Подростка, который выглядел странно и неоднократно наблюдал за окружающими у храма Хайцзин, звали Цинь Сюй, ему в этом году исполнилось 17 лет, он учится во втором классе старшей школы №3 города Донгье.

— Шеф, тело Цинь Сюя слишком слабое, он не похож на того, кто может вонзить нож в височную кость взрослого человека, — сказал Фан Юаньхан.

— Сейчас трудно сказать наверняка, — сказал Минг Шу. — Если жертвы были в сознании, то Цинь Сюй не похож на человека, который мог бы успешно провести даже внезапную атаку на них. Но если жертвы уже были без сознания? Или в каком-то другом состоянии, когда они не могли сопротивляться? Хотя Цинь Сюй выглядит худым, он все-таки мужчина.

— Это правда, — признал Фан Юаньхан. — Может, мне позвать его?

Минг Шу кивнул:

— Давай.

Цинь Сюй действительно отличался от всех остальных в толпе. Многие люди, даже не видевшие трупов, были до смерти напуганы. Цинь Сюй же лично видел тела, но он не был напуган и не паниковал. Он вел себя так, словно видел не два ужасных тела в яме, а что-то совсем другое.

— Где твои друзья? — спросил Минг Шу.

На лице Цинь Сюя не было выражения, он ответил:

— Если ты ищешь моих друзей, то зачем позвал меня сюда?

Минг Шу рассмеялся. Когда подростки сталкиваются с мужчинами постарше, они обычно ведут себя, как они считают, круто, подсознательно надеясь показаться смелыми и одержать верх. Минг Шу видел много таких людей, Цинь Сюй для него, в лучшем случае, «маленький чудак».

Цинь Сюй, видимо, не ожидал, что Минг Шу будет так смеяться, его брови нахмурились, и он едва сохранил самообладание.

— Я спрошу тебя еще раз, — сказал Минг Шу. — Где твои друзья?

Цинь Сюй нахмурился еще сильнее:

— Я не пришел ни с кем из друзей.

— Ты пришел на гору Циюэ один?

— Разве я не могу прийти один? Разве на горе Циюэ есть какое-то правило, согласно которому нельзя приходить одному?

— Конечно, можешь, — сказал Минг Шу. — Но мне хотелось бы знать, с какой целью ты пришел на гору Циюэ один.

Цинь Сюй взволновано ответил:

— Я пришел фотографировать!

— Тогда ты не против, если я полюбуюсь на твои снимки? — спросил Минг Шу.

Цинь Сюй крепко обнимал свой фотоаппарат. Он слегка отклонился в сторону и сложил губы в ровную линию.

Это была полностью оборонительная позиция, и было ясно, что он очень не хотел позволять стоящему перед ним полицейскому прикасаться к своей камере.

Или, возможно, сам фотоаппарат был не важен. Главное — снимки внутри.

Постояв некоторое время в напряженном патовом противостоянии с Минг Шу, Цинь Сюй сдался и признал свое поражение. Он с сожалением отдал камеру и сказал:

— Если хотите смотреть, то смотрите. Только не сломайте мой фотоаппарат.

Минг Шу быстро пролистал фотографии на камере. Одна его бровь подсознательно изогнулась от удивления.

Эта камера должна была стоить более пятидесяти тысяч, считая объектив. Для человека, специализирующегося на фотографии, пятьдесят тысяч - это, конечно, не дорого, но для старшекласника камера за пятьдесят тысяч долларов - это уже высший класс.

Цинь Сюй утверждал, что приехал на гору Циюэ фотографировать, а гора Циюэ славилась своими красивыми осенними пейзажами. Но с момента прибытия к подножию горы Цинь Сюй фотографировал только других людей, а не пейзажи.

Кому-то нравилось фотографировать пейзажи, а кому-то — других людей. В этом не было ничего необычного.

Но если кому-то просто нравится фотографировать людей, зачем ему приезжать на гору Циюэ? Разве нельзя было сфотографировать людей в городе или где-нибудь еще?

Кроме того, все люди, попавшие на снимки Цинь Сюя, очень «уродливы».

Не в смысле внешности, конечно. Они были уродливы в своем поведении.

Здесь были фотографии женщин средних лет, которые дергали друг друга и спорили из-за живописных мест для фотосъемки. Были мужчины, которые злобно трясли близлежащие деревья, чтобы заставить листья опадать, и их спутницы могли сфотографироваться с этими опадающими листьями на заднем плане. Молодые туристы сбивались с троп и бродили там, где не следовало. Дети мочились в общественных местах...

Самые последние фотографии запечатлели выражение ужаса на лицах туристов, спускающихся с горы. Было также более дюжины фотографий тел в яме.

Зачем семнадцатилетнему подростку фотографировать такое?

Минг Шу прокрутил альбом еще дальше. Похоже, Цинь Сюй так и не перенес или не удалил свои ранние фотографии. В альбоме все еще хранились его "запасы" за предыдущую неделю и месяц.

Как и на сегодняшних снимках, Цинь Сюй запечатлел все "уродливые" моменты жизни обычных людей.

Вдруг Минг Шу заметил знакомое место и знакомого человека.

Креветка Баобао. И ее владелец, Цинь Сюн.

На снимке Цинь Сюн боролся с женщиной средних лет, выражения их лиц были сильно искажены, а глаза полны яда.

Минг Шу повернул камеру к Цинь Сюю:

— Кто они?

Цинь Сюй усмехнулся:

— Мои родители.

Цинь Сюй и Цинь Сюн носили одну и ту же фамилию, Минг Шу уже догадался обо всем еще до того, как получил ответ.

— Похоже, тебе нравится наблюдать за людьми в их самые низкие, "уродливые" моменты, — сказал Минг Шу. — Но зачем ты приехал аж на гору Циюэ, чтобы понаблюдать за этим?

— Очевидно же потому, что люди, которые гонятся за этими известными в сети достопримечательностями, самые уродливые из всех! — заявил Цинь Сюй. В его глазах мелькнули тени, и он мрачно рассмеялся. — Разве ты не заметил? На этой горе можно найти самые уродливые души!

Веки Фан Юаньхана подпрыгнули, и ему захотелось лечь и получить пулю.

Минг Шу сказал:

— Ранее, возле храма Хайцзин, ты наблюдал за остальными, чтобы запечатлеть их уродство?

Цинь Сюй облизнул губы:

— Если бы я мог, я бы тоже хотел запечатлеть уродство вас, полицейских!

Фан Юаньхан не мог больше слушать это:

— Ты должен знать меру!

— Твоя камера, — сказал Минг Шу, осторожно помахивая ею. — Одолжи ее мне.

Цинь Сюй еще больше разволновался:

— Зачем?

— Дюжина или около того фотографий, которые ты сделал в яме, могут пригодиться нам в расследовании, — сказал Минг Шу.

Цинь Сюй сжал кулаки.

— Что, не хочешь?

— Тебе не нужны фотографии, которые я сделал, ты хочешь забрать мою камеру для технической обработки!

— О? — улыбнулся Минг Шу. — Ты очень умный.

— Вы думаете, что я убийца, — продолжил Цинь Сюй. — Ведь в девяноста процентах случаев убийца возвращается на место преступления!

Минг Шу сложил пальцы вместе и слегка постучал ими по камере:

— Ты читаешь и смотришь много детективных историй.

— Но я не убийца! — настаивал Цинь Сюй. — Я даже не знаю, кто эти девушки!

— Кто первым обнаружил эту яму? — спросил Минг Шу.

Цинь Сюй замер.

Минг Шу подождал несколько секунд, а затем спросил:

— А?

Цинь Сюй ответил:

— Если я скажу, что это был я, ты будешь подозревать меня еще больше?

— Так это действительно был ты?

— Ну, я же не могу вам врать! Если я солгу, а вы узнаете, что я солгал, разве это не вызовет еще больше подозрений?

— В таком случае, — сказал Минг Шу, — тебе придется постараться, чтобы вспомнить, как именно ты нашел яму.

— Я... — Цинь Сюй наконец начал испытывать некоторое беспокойство. — Я следил за тремя

парнями и двумя девушками. Я хотел сфотографировать их, пока они суетились возле той ямы. Но снизу я не смог разглядеть их лица, поэтому пришлось забраться повыше. Когда я нашел подходящее место и посмотрел вниз, то увидел, что находится внутри.

— За какими пятью людьми ты следил? — спросил Минг Шу.

Цинь Сюй оглянулся и указал в определенном направлении.

— А они знают, что ты следишь за ними и фотографируешь? — снова спросил Минг Шу.

Цинь Сюй презрительно ответил:

— Меня никогда не ловили за фотографированием!

Минг Шу не стал продолжать расспросы и отпустил Цинь Сюя на время.

— Возможно, у этого парня серьезные проблемы с психикой, — сказал И Фэй. — Но что касается того, убийца он или нет... Я в этом не уверен.

— Хм, — кивнул Минг Шу. — У Цинь Сюя есть способ выплеснуть свои проблемы через фотографию. Убийца же демонстрирует все признаки человека, который очень, очень долго подавлял свои чувства. И вот он наконец-то взорвался.

И Фэй снова обвел взглядом толпу свидетелей:

— Мы уже опросили почти всех присутствующих. Кроме Цинь Сюя, никто больше не показался нам особенно подозрительным.

Минг Шу потер лоб:

— Нам еще нужно дождаться результатов от учителя Синя и Сяо Мана.

Ночью Синь Му поспешно прибыл с отчетом о вскрытии, и когда он увидел, что Сяо Юань тоже там, его лицо внезапно изменилось:

— За... заместитель директора Сяо, вы здесь.

Сяо Юань кивнул:

— Пришел узнать о деле. Учитель Син, вам не нужно беспокоиться обо мне, просто доложите

капитану Мингу.

— О... хорошо — Синь Му передал отчеты Минг Шу. — Пока заключение по результатам предварительного вскрытия. Обе жертвы умерли от ножевого ранения в височную долю. Ранее я предполагал, что жертвы могли быть недееспособны во время нападения убийцы. Убийца мог накачать их наркотиками, но токсикологический фармакологический тест показал, что они не принимали и не получали инъекций наркотиков. Кроме того, их желудки были опорожнены. Время смерти - вечер 13 октября.

Минг Шу сказал:

— Значит, они были в сознании, когда убийца наносил им удары...

— Ну, они могли спать, — сказал Синь Му. — Но с этим есть одна проблема. Судя по трупным пятнам, основное место преступления находилось неподалеку, их положили в яму вскоре после смерти. Но при каких обстоятельствах две девушки стали бы ночевать на горе под открытым небом? Ума не приложу.

Минг Шу начал шагать, обняв себя руками:

— Судя по телосложению Цинь Сюя, он не смог бы проткнуть височную кость двух женщин, пока они не спали. Даже если бы он напал посреди ночи. Вполне вероятно, что убийцы не было в группе молодых людей, которые сегодня поднимались на гору... Фан Юаньхан.

Услышав внезапно свое имя, Фан Юаньхан поспешно встал:

— Да, начальник, я здесь!

— Место преступления находится довольно далеко от храма Хайцзин, но все, кто поднимается на гору обычными тропами, должны были пройти мимо храма Хайцзин, — сказал Минг Шу. — Когда были убиты эти жертвы, на горе Циюэ еще не начался сезон, в это время на горе не так много туристов, и монахи в храме могли запомнить этих девушек. Поспрашивай в храме. Если эти девушки поднимались на гору не обычными тропами, нам придется тщательно изучить их отношения с убийцей.

Круглый год в храме Хайцзин жили девять монахов. Когда Фан Юаньхан отправился расспрашивать о жертвах, один монах лет двадцати взял на себя инициативу и выступил вперед. Он утверждал, что три дня назад видел, как две женщины прошли мимо храма и продолжили подниматься в гору.

Этого монаха звали Ву Цзэн. Он стал монахом всего год назад, провалив вступительные экзамены.

— Они пришли насладиться осенними видами горы Циюэ, но было уже три часа дня, когда я их встретил, — сказал У Цзэн. Он был одет как монах, но, возможно, из-за того, что был им совсем недолго, вел себя не совсем как монах. — В то время я читал во дворе. Они зашли передохнуть и спросили меня, не пожелтели ли листья на вершине горы.

— И что вы им ответили? — спросил Фан Юаньхан.

— Конечно, я сказал им, что листья действительно пожелтели, — ответил У Цзэн. — Но я также сказал им, что между храмом и вершиной горы еще большое расстояние, и дальше дороги нет. Я сказал, что для двух девушек это может быть опасно, но они не послушали, они даже сказали, что они "крутые девчонки".

— Почему вы решили, что им будет опасно идти дальше? — спросил Фан Юаньхан.

У Цзэн на секунду замер. Он опустил взгляд:

— Отсюда никто не поднимается выше на гору. Разве это не делает дорогу опасной?

Фан Юаньхан больше ничего не спрашивал, а некоторое время пристально смотрел на У Цзэна.

Существовало много разных видов опасности. Если в горах водились дикие животные, они могли быть опасны. Если горные тропы были крутыми и неровными, то их преодоление могло быть опасным. А если выше в горах прятались люди с недобрыми намерениями, то это было бы самым опасным из всех.

О какой именно "опасности" говорил У Цзэн?

Почувствовав, что Фан Юаньхан пристально изучает его, У Цзэн начал ощущать беспокойство:

— Я не остановил их, и я виню себя за это, но это не моя вина, если они умрут на горе, верно?

Фан Юаньхан был немного удивлен этим.

Все говорили, что буддисты — сострадательные люди. Но в голосе У Цзэна не было ни капли сострадания.

— Тогда вспомни, в какой одежде они поднимались на гору. — сказал Фан Юаньхан.

— Они обе были в спортивной одежде. Одна была полностью в белом, от одежды до кроссовок, а другая — в красном костюме и черных кроссовках. Та, что была в белом, несла камеру.

Фан Юаньхан снова спросил:

— До и после того, как они поднялись на гору, вы заметили других туристов?

У Цзэн покачал головой:

— В тот день на гору Циюэ пришло довольно много людей, но эти две девушки были единственными, кто проходил мимо храма и хотели подняться выше.

— А вы часто поднимаетесь на гору?

— Нет, на горе только деревья, иногда можно увидеть белок. Мы спускаемся с горы, чтобыкупить то, что нам нужно, нет особого смысла подниматься на гору выше.

— Были одеты в спортивную одежду, наслаждались осенними видами. С собой имели фотоаппарат. Называли себя "крутыми девчонками", — перечислял Минг Шу, выслушав доклад Фан Юаньхана. — Значит, они действительно были обычными туристами, как и все мы, ехавшими полюбоваться листьями гинкго. Так почему же убийца выбрал именно их?

Фан Юаньхан стоял молча, задумавшись.

Минг Шу повысил голос:

— О чем ты думаешь?

— А? — Фан Юаньхан пришел в себя. — Этот У Цзэн вызвал у меня какое-то плохое предчувствие.

— В каком смысле плохое? — спросил Минг Шу.

— На данный момент он последний, кто видел жертв, — сказал Фан Юаньхан. — После того как девушки прошли мимо храма, у него было достаточно времени, чтобы проследить за ними и совершить преступление.

— Мотив? — спросил Минг Шу.

— Не знаю, — признался Фан Юаньхан.

— Не торопитесь, — сказал Минг Шу, похлопав новичка по плечу. — Как только мы опознаем тела, дело очень быстро продвинется.

К сожалению, опознать тела было нелегко. Но кожная ткань, которую Сяо Мань извлек из-под ногтей одной из жертв, совпала с записью в базе данных ДНК.

Ван Чжэн, 43 лет, был приговорен к трем годам и шести месяцам тюрьмы за изнасилование женщины четыре года назад и освобожден только в начале этого года, не женат, предположительно безработный, в настоящее время живет со своей престарелой матерью на улице Цаолун в районе Си.

Минг Шу немедленно отправил группу на улицу Цаолун и лично связался с тюрьмой, где отбывал наказание Ван Чжэн, чтобы узнать, как он себя там вел.

Всего в городе Донгье было две тюрьмы: одна на севере города, другая на востоке. Тюрьма, в которой отбывал наказание Ван Чжэн, находилась на севере города, и полиция называла ее «Северной тюрьмой».

Тюрьмы очень иерархичны, и заключенные подчиняются правилам и "цепям презрения".

Заклученные, оказавшиеся в самом низу этой "цепи презрения", всегда были самыми низкими из низких — те, кто нападал на детей. А чуть выше них располагались чудовища, наложившие руки на женщин.

Ван Чжэн был насильником, который обидел молодую женщину, только что поступившую на работу. У многих людей в тюрьме есть жены и дочери, и больше всего им не нравится такой неудачник, как Ван Чжэн.

По словам Лу Чжаофэна, тюремного надзирателя в Северной тюрьме, Ван Чжэн прожил несчастную жизнь в течение последних трех с половиной лет.

— Насколько несчастную? — спросил Минг Шу.

Лу Чжаофэн не стал вдаваться в подробности. Он просто сказал:

— По сути, он стал калекой.

Минг Шу понял.

Заклученные, совершившие различные преступления, своими силами наказали насильника в тюрьме, чтобы у него не было возможности совершить такое же преступление снова после освобождения.

Но это не единственный способ насилия над женщинами.

Минг Шу изучал отчеты о вскрытии, разложенные на его столе.

Ни одна из двух жертв не подвергалась насилию ни до, ни после смерти, на их телах не было ни жидкостей, ни чужих волос, но позы были весьма сексуальными. Ван Чжэн уже не был трудоспособным мужчиной, мог ли он выплеснуть всю свою горечь и ярость на этих девушек?

Ответ - возможно.

Когда полиция нашла его, Ван Чжэн как раз доставлял посылку в качестве курьера. Он ехал на электрическом трехколесном велосипеде, сиденье и корзина которого были доверху набиты пакетами. Это был напряженный сезон для служб доставки; в каждой компании не хватало сотрудников.

— Вы... что вам нужно? — Ван Чжэн начал отступать назад в явном страхе. — Я не делал ничего противозаконного. Почему вы пытаетесь меня арестовать?

— У нас есть на то причины, — огрызнулся Фан Юаньхан.

Он рос с двоюродной сестрой, которая сейчас была примерно в том же возрасте, что и жертвы Ван Чжэна, и отношения с ней у него были очень хорошими — они были практически как родные брат и сестра. Поэтому, когда он увидел Ван Чжэна, в нем вспыхнул гнев.

И Фэй посоветовал Фан Юаньхану не поддаваться эмоциям, и велел ему сначала доставить Ван Чжэна в Бюро.

— А как насчет вас, капитан И? — спросил Фан Юаньхан.

— Этот Ван Чжэн не совсем такой, как я себе представлял, — сказал И Фэй. — Я пойду проверю его дом.

— Если у вас есть ко мне претензии, решайте их со мной! — крикнул Ван Чжэн. — Не создавайте проблем моей матери! У нее плохое здоровье, она не выдержит такого стресса!

— А разве не ты, ее сын, доставляешь ей больше всего хлопот? — спросил И Фэй.

Ван Чжэн застыл, на мгновение потеряв дар речи.

И Фэй дошел до улицы Цаолун. Квартира семьи Ван находилась в восьмизэтажном жилом доме. Многие старые дома в городе Донгье имели столько этажей.

Мать Ван Чжэна отреагировала совсем не так, как Ван Чжэн. В отличие от буйства сына, мать

спокойно впустила И Фэя в дом и спросила:

— Ван Чжэн опять что-то натворил?

Внутри дом был обставлен старой мебелью, а на столе стояла марлевая клетка для хранения остатков еды. На старом журнальном столике стояли бутылки и банки, и при ближайшем рассмотрении оказалось, что все это лекарства.

Из кухни доносился лекарственный аромат, на плите кипела кастрюля с китайскими медицинскими травами.

Еще не войдя в квартиру, И Фэй заметил следы краски на входной двери. Вполне вероятно, что на двери и стенах когда-то были намалеваны слова вроде "насильник".

У этой семьи были очень тяжелые времена.

И Фэй задал бабушке Лю несколько вопросов о Ван Чжэне, и она ответила на все.

— Ван Чжэн совершил ужасное преступление, — сказала она. — Я неправильно его воспитала. Он заслужил столько лет тюрьмы, сколько получил. Даже если бы он просидел там до конца жизни, этого было бы недостаточно, чтобы исправить тот вред, который он причинил бедной девочке. Он не смог найти работу после выхода из тюрьмы, хорошо, что у меня еще есть пенсия, мы, мать и сын, едва сводим концы с концами. Но недавно он нашел какую-то работу по доставке, а еще есть стройка, где ему разрешают работать, так что он вроде как остепенился. Я ничего от него не жду, просто надеюсь, что в будущем он не натворит ничего плохого, этого достаточно.

Когда И Фэй спросил о лекарстве, она продолжила:

— О, лекарство? Это лекарство для меня. Мне уже много лет, и мое тело начинает сдавать. Сердце, печень и почки уже не так хороши. А еще у меня ревматоидный артрит. Посмотрите на мои руки, они все изуродованы. Ван Чжэн всегда говорит мне, чтобы я не волновалась, говорит, что будет много работать, чтобы обеспечить меня в старости. Видите все эти лекарства? Это Ван Чжэн настоял на том, чтобы отправить меня за ними в больницу.

Ван Чжэн сидел в комнате для допросов в Бюро уголовных расследований. Перед ним на столе лежали фотографии двух жертв.

Он наклонился поближе и несколько секунд рассматривал их, а потом резко вскрикнул и вскочил, его лицо побелело:

— Что... что это?!

— Кто они? — спросил Минг Шу.

Ван Чжэн в шоке ответил:

— Откуда мне знать?

<http://bllate.org/book/14859/1321951>